# Бюро ритуальных недоразумений

— Книга вторая —

# Бархатный заговор



Константин Третьяков

# Бюро ритуальных недоразумений
# 2. Бархатный заговор.

«Автор»
2026

**Третьяков К.**

Бюро ритуальных недоразумений 2. Бархатный заговор. /
К. Третьяков — «Автор», 2026

После знакомства с Адом, демонами и потусторонней бюрократией Евгения Потусторонникова, казалось бы, уже ничем не удивить. Но у вечности припасено немало сюрпризов.На этот раз неприятности приходят в виде старого театрального бархата, подозрительных документов и требования предъявить оригинал договора. Клавдия Степановна, призрак с безупречными манерами и непростым прошлым, оказывается в центре загадочного заговора, связанного с чужой памятью.Жене, Гене и их друзьям предстоит выяснить, кому принадлежит память умершего, куда исчез театральный суфлёр и зачем аду понадобился старый занавес.В потустороннем мире даже воспоминания можно оформить в собственность. Главное — не забыть поставить подпись. И желательно сначала прочитать договор.Особенно мелкий шрифт.

© Третьяков К., 2026
© Автор, 2026

# Константин Третьяков
# Бюро ритуальных недоразумений
# 2. Бархатный заговор.

**БЮРО РИТУАЛЬНЫХ НЕДОРАЗУМЕНИЙ**
Книга вторая

БАРХАТНЫЙ ЗАГОВОР
*Мистическая комедия*

**Пролог, или о том, как занавески могут довести до суда.**

За окном подвальной конторы «Вечный Покой» стоял апрель — робкий, неуверенный, с тем особым выражением лица, какое бывает у человека, впервые пришедшего на работу после долгого больничного. Дождь, который три недели назад хлестал так, будто небо решило смыть с тротуара всю магическую инфраструктуру, сменился мелкой интеллигентной моросью. Вечная лужа на месте. Вывеска, обещавшая «Снятие порч, экзорцизм, упокоение. Скидки многодетным», больше не скрипела — Женя, наконец, смазал петли. Правда, теперь она слегка покосилась вправо, из-за чего слово «упокоение» читалось как «упоение», что, впрочем, привлекало новую категорию клиентов.

Внутри пахло иначе. Не сыростью и пыльными фолиантами, а чаем, жареным хлебом и — совсем чуть-чуть — лавандой. Лаванда была нововведением Клавдии Степановны. «Для атмосферы, Женечка. Чтобы клиенты чувствовали себя как в театре. В хорошем театре. Не как у Бергманов».

Сами занавески — предмет двухсотлетней одержимости и трёхнедельной гордости — были тёмно-зелёные. Не бордовые. Не серые. Тёмно-зелёные, бархатные, с золотистыми кистями по нижнему краю. Клавдия Степановна выбирала их сорок минут, паря над прилавком в магазине тканей и доводя продавщицу до состояния, близкого к религиозному экстазу. «Бордовый — это Бергманы, — изрекла она тогда, скрестив полупрозрачные руки на груди. — Мы будем оригинальными. Зелёный — цвет надежды. И зависти. Пусть Бергманы завидуют».

Женя сидел за массивным дубовым столом — тем самым, доставшимся от деда-некроманта, — и сосредоточенно изучал содержимое пузырька с надписью «Эктоплазмо-Стоп-Форте». В пузырьке оставалось четыре таблетки. Четыре. Три недели назад он глотал по три за раз, как леденцы от горла. Теперь обходился одной. А иногда — и вовсе без. Крапивница больше не вспыхивала от каждой потусторонней эманации. Ухо чесалось редко. Глаз дёргался только по понедельникам, и то — скорее по привычке.

— Геннадий, — позвал он, не поднимая головы. — Ты убрал линолеум от следов когтей?

Из-за шкафа раздалось виноватое шуршание, а затем появилась макушка Геннадия — серая, с торчащим вихром и крошечными рожками, которые за три недели стали чуть заметнее. Бывший бес-стажёр, а ныне «штатный бес с испытательным сроком длиною в вечность», держал в руках тряпку и банку с надписью «Полироль для адских поверхностей. Не для линолеума».

— Я почти закончил. Но тут, на самом деле, не когти. Тут кошка. Опять.

— Какая кошка?

— Та самая. Рыжая. Которая рацию отобрала. Она, кажется, решила, что наш подвал — её территория. Я ей говорю: «Уйди, я штатный бес, у меня полномочия!» А она на меня смотрит. И вылизывается. Женя, у неё во взгляде столько презрения, что мне хочется подать заявление об увольнении.

— У тебя нет полномочий увольняться. У тебя испытательный срок. Вечность.

— Я знаю. Но мечтать-то можно.

Геннадий шаркнул тряпкой по линолеуму и тот зашипел — в том месте, где ещё три недели назад дымился след от курьерских ботинок.

— Осторожнее, — предупредил Женя. — Дед сказал, этот участок ещё «фонит». Остаточная эманация. Если сильно тереть — может открыться мини-портал в Третий круг. А у меня там знакомых нет.

— У вас вообще знакомых мало, — заметил Геннадий.

— Зато все — с пломбами на лбу.

В этот момент из холодильника — того самого, через который дед Всеволод оптимизировал «горячую линию с Адом» — раздался приглушённый голос:

— Женя! Женя, ты меня слышишь?

Геннадий вздрогнул. Женя — нет. За три недели он привык, что дед связывается через холодильную камеру строго между 3:00 и 3:15 ночи по земному времени. Но сейчас было одиннадцать утра.

— Деда? Ты чего не по расписанию?

— Расписание — для консультантов. А я тебе новость сообщаю. Экстренную. В Отделе Межведомственных Перевозок сменили начальника. Новый — педант. Говорят, пересматривает все контракты за последние пятьсот лет. Если что-то всплывёт по нашему делу — не пугайся. Но лучше бы не всплывало. Всё, связь прерывается. У меня тут очередь в столовую. Сегодня щи из грешников. Шучу. Из капусты. Но грешники рядом стоят, смотрят. Неуютно.

Холодильник щёлкнул и замолчал. Геннадий посмотрел на него с опаской.

— Ваш дед всегда такой?

— Какой?

— Ну… оптимистичный. В условиях Ада.

— Он триста лет в тапочках с помпонами. Оптимизм — это не черта характера. Это диагноз.

Клавдия Степановна материализовалась у окна — на этот раз полностью, с обеими туфельками, что Женя счёл добрым знаком. В полупрозрачных руках она держала невидимую чашку и делала вид, что пьёт чай. За двести лет она довела этот жест до совершенства: наклон головы, лёгкий вздох, движение несуществующей ложечки. Если не знать, что чашки нет — можно было поверить.

— Женечка, — произнесла она тоном человека, который собирается сообщить нечто важное, но начинает издалека. — Я сегодня утром разговаривала с голубями.

— С голубями.

— Они сидели на подоконнике. Я им говорю: «Молодые люди, у нас серьёзное учреждение, а вы тут гадите». А они мне: «Курр-курр, на вас жалоба подана». Я им: «Какая жалоба?» А они: «Курр-курр, из Министерства оккультного надзора. Курр-курр». И улетели.

Женя медленно положил пузырёк на стол.

— Клавдия Степановна. Голуби не разговаривают.

— А тот, с рацией, тоже не разговаривал, пока я ему не объяснила, что такое дикция. Женечка, я двести лет в призрачном состоянии. Я с кем только не разговаривала. С голубями, с воронами, с тем котом из ЖЭКа, который приходит проверять лифт. Кот, кстати, очень разумный. У него взгляд философа.

— У нас нет лифта.

— А он всё равно приходит. Проверяет. Записывает в блокнотик. У него лапка с когтем вместо ручки. Очень трогательно.

Женя потёр переносицу. Голуби. Министерство. Жалоба. Три недели тишины, тортик по расписанию, зелёные занавески, и вот — пожалуйста.

— Ладно. Может, показалось. Голуби — они такие. Курр-курр. Ничего конкретного.

И именно в этот момент в дверь постучали.

Не метлой. Не когтями. Не чем-то дымящимся. Просто — костяшками пальцев. Три удара. Вежливые. Уверенные. Человеческие.

Женя и Геннадий переглянулись. Клавдия Степановна прижала невидимую чашку к груди.

— Может, это клиент? — прошептал Геннадий.

— У нас не бывает клиентов.

— А вдруг?

Женя подошёл к двери — той самой, которую они наконец починили, но которая всё равно открывалась только после третьего рывка. Заглянул в прадедовский «глазок» из вулканического стекла.

По ту сторону стояла старушка. Маленькая, сухонькая, в платочке и с авоськой. В авоське — рассада. Помидорная. Три кустика, аккуратно повязанные ниточкой.

Женя открыл дверь.

— Добрый день, — сказала старушка голосом, в котором было столько простой, незамутнённой надежды, что у Жени защемило где-то в районе четвёртого позвонка. — Вы тут, говорят, порчи снимаете? У меня рассада чахнет. Третий год подряд. Соседка говорит — сглаз. А я говорю — нет, это земля тяжёлая. Но она говорит — сглаз. И привела меня к вам. Вы не посмотрите? Я заплачу. У меня пенсия. Небольшая, но…

Женя открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

За три недели существования бюро «Вечный Покой» в обновлённом составе — со штатным бесом, призраком-актрисой и дедом-консультантом на удалёнке — к ним не зашёл ни один живой клиент. Ни один. Ни старушка с рассадой, ни бизнесмен с полтергейстом, ни подросток с одержимым телефоном. Никто.

А теперь — вот. Авоська. Помидоры. Пенсия.

— Конечно, — сказал Женя, и голос его дрогнул. — Конечно, посмотрим. Проходите. Чай будете?

— Ой, спасибо, милый. А у вас тут уютно. Зелёненько.

Клавдия Степановна просияла. Геннадий спрятал тряпку за спину и попытался принять официальный вид. Получилось плохо — на щеке у него было пятно от полироли, а рожки предательски блестели.

Старушка прошла внутрь, аккуратно поставила авоську на стул и начала оглядываться. Женя уже тянулся за ингалятором — привычка, рефлекс, три недели аллергии не проходят бесследно, — когда краем глаза заметил движение за окном.

В приямке, за стеклом, стоял человек. Не демон. Не курьер. Не бес. Просто человек. Высокий, в идеально скроенном сером пальто. Седые виски. Тонкие очки. На нагрудном кармане — платок. Бордовый. Бархатный. Аккуратно сложенный треугольником.

Он смотрел прямо в окно. На старушку. На авоську. На Женю. На зелёные занавески. Его взгляд задержался на занавесках на секунду дольше, чем следовало. Затем он достал из внутреннего кармана блокнот. Записал что-то. Закрыл блокнот. Убрал.

И ушёл. Не торопясь. Не оглядываясь. Просто — ушёл.

Женя моргнул. В стекле, на том месте, где стоял незнакомец, осталась визитка. Он не помнил, как она там оказалась. Может, её подсунули в щель, пока он отвернулся. Может, она всегда там была.

Он взял визитку. Плотная, кремовая бумага. Тиснение золотом. Шрифт с засечками.

«Бюро магических решений "Сглаз долой". Аудит. Консалтинг. Индивидуальный подход.».

И ниже, мелко, почти неразборчиво:

«А. Бергман. Лично. Конфиденциально. Мы всё видим».

Женя повертел визитку в пальцах. Посмотрел на старушку, которая с надеждой разглядывала помидорную рассаду. На Клавдию Степановну, которая замерла у окна с выражением, какое бывает у актрисы, увидевшей конкурента в первом ряду. На Геннадия, который всё ещё прятал тряпку за спиной и тихо шептал: «Не надо. Не надо. Не надо».

— Женечка, — произнесла Клавдия Степановна тихо, и в голосе её не было ни капли театральности. Только то, что было хуже театральности.

— Я знаю этот платок. И почерк знаю. Женечка… это он. Мы встречались задолго до того, как ты открыл бюро. И я очень надеялась, что больше не встречусь.

— Кто?

Но она не ответила. Только поправила невидимый платочек и отвернулась к зелёным занавескам.

А за окном апрель продолжался. Моросило. Лужа отражала серое небо. И где-то в бордовом кабинете с бархатными стенами, кто-то открыл блокнот и обвёл кружком адрес: «Подвал. Ул. Тенистая, 13. Бюро "Вечный Покой"».

И подписал: «Проверить. Занавески. Не простить».

**Глава 1. В которой Бергманы видят слишком много, а Женя получает повестку**

Бергманы жили напротив в бизнес-центре «Золотой Телец», и это было первое, что следовало о них знать. Не «Сглаз долой», не бюро магических услуг, не конкуренты. Бизнес-центр. «Золотой Телец».

Пока Женя сидел в подвале с вечной лужей и линолеумом, который после визита курьера из Выездного Взыскания пах палёной резиной и лёгким экзистенциальным кризисом, Бергманы сидели в шикарном офисе. С панорамными окнами. С кожаными креслами. С кофемашиной, которая делала капучино с пенкой в форме пентаграммы. И с бордовыми бархатными занавесками, которые Клавдия Степановна при каждом упоминании комментировала одним и тем же словом: «Пошлость». Аркадий Бергман был высоким, сухим, идеально выглаженным мужчиной лет шестидесяти, с седыми висками, тонкими очками и привычкой складывать платок в нагрудном кармане ровно треугольником. Говорил он тихо. Никогда не повышал голос. Не нуждался. Когда Аркадий Бергман говорил тихо, все остальные замолкали. Не из уважения. Из-за инстинкта. Так замолкают в зале, когда гаснет свет и из темноты кто-то делает первый шаг на сцену. Эдуард Бергман, сын, был копией отца, но в уменьшении и с поправкой на возраст: тридцать два, гель для волос, запонки, и та особая улыбка, которая бывает у людей, уверенных, что мир — это переговорная, а они в ней ведущая сторона.

Тем же утром, несколькими часами раньше, в половине девятого, когда Женя в подвале только-только поставил чайник и пытался убедить Клавдию Степановну, что зелёные занавески не нуждаются в дополнительном ламбрекене, Аркадий Бергман сидел в своём кабинете и смотрел в окно.

Не на город. На подвал.

Подвал был виден неплохо. Но Аркадий Бергман не нуждался в хорошем обзоре. Если он мог что-то не заметить, на этот случай у него были голуби.

— Эдуард, — произнёс он, не оборачиваясь. — Подойди.

Эдуард подошёл. В руках — планшет, на планшете — расписание клиентов на день. Три снятия порчи, одно упокоение, одна консультация по фэн-шую для офиса. Хороший день. Прибыльный.

— Видишь подвал? Тенистая, тринадцать.

— «Вечный Покой»? Этот клоповник?

— Не клоповник. Конкурент.

Эдуард позволил себе короткую усмешку. Конкурент. Сырой подвал с вечной лужей у крыльца и вывеской, которая держится на честном слове и ржавых петлях. Конкурент.

— Папа, у них за три месяца не было ни одного клиента. У них дверь с петель. У них призрак в занавесках.

— У них, — Аркадий снял очки и протёр их платком — тем самым, бордовым, — три недели назад был визит. Из Ада.

Тишина. Эдуард перестал усмехаться.

— Что?

— Сначала один. Серый. В накидке, которая дымилась. С чем-то светящимся на лбу. Зашёл. Вышел. С коробкой. А позже — ещё четверо.

— Четверо?

— Четверо. Один высокий, бледный, как бухгалтер на похоронах. Второй — с глазами на ладонях. Третий — не разобрал, как дым. Четвёртый — маленький, с папкой. Зашли. Вышли. И все — в никуда. Как будто их не было.

Эдуард медленно сел. Встал. Снова сел.

— Может, показалось. Может, это был…

— Не показалось. Я видел. Своими глазами. Из этого окна. — Аркадий постучал пальцем по витринному стеклу. — Три метра, Эдуард. Три метра. Я не нуждаюсь в голубях, чтобы видеть, что происходит в трёх метрах от моего кабинета.

— И что это значит?

— Это значит, что Потусторонников ведёт дела с инфернальными структурами. Без лицензии. Без регистрации. Без уведомления Министерства оккультного надзора. А это, Эдуард, статья четырнадцать, пункт семь. «Несанкционированное взаимодействие с потусторонними инстанциями». Штраф. Лишение права на практику. И, в случае повторного нарушения, — Аркадий аккуратно сложил платок обратно в карман, — конфискация помещения.

— Помещения? Там же подвал.

— Подвал, — повторил Аркадий. — На месте силы. Третьей категории. Ты знаешь, сколько стоит парковка для клиентов на месте силы третьей категории?

Эдуард не знал. Но по лицу отца понял, что много.

— Пишем жалобу, — сказал Аркадий. — В Высший Арбитражный Суд Магов. Полную. С голубями, с фотографиями, с энергетическими замерами. Пусть проверят. Пусть придут. Пусть закроют.

— А если не закроют?

Аркадий посмотрел на сына. Тихо. Спокойно. Так смотрят на ребёнка, который спросил, зачем пристёгиваться в машине.

— Тогда закроем сами.

В подвале на Тенистой, тринадцать, Женя не знал ни про голубей, ни про офис с Бергманами, ни про статью четырнадцать, пункт семь. Он знал, что чайник закипел, что Клавдия Степановна наконец согласилась на занавески без ламбрекена («Но я запомнила, Женечка. Я запомнила»), и что Геннадий в третий раз за утро уронил единственную папку с «архивом» — ту самую, в которой лежал договор аренды, два чека из «Пятёрочки» и рисунок рыжей кошки, который Геннадий нарисовал от скуки. Кошка на рисунке была похожа на облако с когтями.

— Геннадий, — сказал Женя, наливая чай. — Ты сегодня какой-то нервный.

— Я не нервный. Я бдительный.

— Это одно и то же, только с разным выражением лица.

— Нет. Нервный — это когда боишься. Бдительный — это когда ждёшь. Я жду.

— Чего?

— Не знаю. Но чувствую. У меня рожки чешутся. Это к переменам.

Клавдия Степановна, парившая у окна в позе «задумчивая героиня второго плана», вдруг напряглась.

— Женечка. Голуби.

— Что голуби?

— Их нет.

Женя посмотрел в окно. На подоконнике, где обычно сидели два сизых голубя и вели с Клавдией Степановной беседы о дикции, было пусто.

— Может, улетели.

— Голуби не улетают. Голуби сидят. Голуби — это мебель. Ты когда-нибудь видел, чтобы шкаф улетел?

— Клавдия Степановна, голуби — не мебель.

— А что же они?

— Птицы.

— Женечка, не говори ерунды. Голуби — это декорация. Они сидят на подоконнике и создают атмосферу. Если они улетели — значит, декорацию убрали. А декорацию убирают, когда меняется сцена.

Женя открыл рот, чтобы ответить, что голуби улетают, потому что у них есть крылья, и что смена декораций в подвале на Тенистой, тринадцать, маловероятна, — но в этот момент в окно врезался голубь.

Не сел. Не приземлился. Врезался. Клювом в стекло. Тук. Тук. Тук. Как будто кто-то очень спешил и забыл, что стекло твёрдое.

Геннадий подскочил. Клавдия Степановна ахнула. Женя поставил чашку.

Голубь был не один. На лапке у него болталась капсула — маленькая, металлическая, с гравировкой. Голубь тукнул ещё раз, стекло дрогнуло, и капсула отцепилась. Упала на подоконник. Голубь посмотрел на Женю глазами, в которых было столько казённого равнодушия, сколько бывает только у почтальонов и судебных приставов, и улетел.

Женя открыл окно. Взял капсулу. Открутил.

Внутри — свиток. Пергамент. Настоящий. С водяным знаком и штрих-кодом. Пахло сургучом и чем-то канцелярским — тем самым запахом, который Женя помнил по Аду. По Отделу Вечного Согласования. По Мельхиору.

Он развернул.

«ПОВЕСТКА»

Высший Арбитражный Суд Магов

Дело № 4471-Б/2025

Ответчик: Потусторонников Е.М., бюро ритуальных услуг "Вечный Покой", ул. Тенистая, д. 13, подвал.

Истец: Бюро магических решений "Сглаз долой", Бергман А. Р.

Предмет: несанкционированное взаимодействие с инфернальными структурами (ст. 14, п. 7 ФЗ "Об оккультной деятельности").

Явка обязательна.

При себе иметь: 1. Магическую лицензию (оригинал + 2 копии). 2. Справку об отсутствии задолженностей перед инфернальными структурами. 3. Характеристику от участкового. 4. Паспорт. 5. Хорошее настроение (рекомендовано).

Неявка приравнивается к признанию вины.

Подпись: Секретарь ВАСМ, Темнописарев В. А.»

Под подписью, мелким почерком, от руки:

«П.С. Торт берите. У нас тут ремонт, столовая закрыта».

Женя перечитал. Потом ещё раз. Потом положил пергамент на стол, рядом с чашкой чая, и посмотрел на Клавдию Степановну.

Клавдия Степановна смотрела на пергамент. Геннадий смотрел на пергамент. Из-за холодильника высунулась голова деда.

— Чего тут? — спросил дед.

— Суд, — сказал Женя.

— Какой суд?

— Высший Арбитражный Суд Магов. Бергманы. Статья четырнадцать. Несанкционированное взаимодействие.

Дед Всеволод помолчал. Потом медленно, с расстановкой, произнёс:

— А лицензия у тебя есть?

— Нет.

— Справка об отсутствии задолженностей?

— Дед, у меня контракт на триста лет заморожен. Какая справка.

— Характеристика от участкового?

— Участковый думает, что я торгую свечами.

Дед Всеволод кивнул. Как будто всё сходилось. Как будто именно этого он и ожидал.

— Ну что ж, — сказал он. — Значит, без адвоката не обойтись.

— У меня нет денег на адвоката.

— У тебя нет денег на чай. У тебя нет денег на линолеум. У тебя нет денег на занавески. — Клавдия Степановна обидчиво поправила невидимый платочек. — Но у тебя есть торт.

Все посмотрели на холодильник. В холодильнике, за банкой маринованных огурцов и половиной вчерашнего борща, стоял «Пражский». Стратегический. Неприкосновенный. Последний.

— Торт не является валютой, — сказал Женя.

— В Аду является, — возразил дед Всеволод. — В Аду, Женя, торт — это валюта, аргумент и форма извинения. Если в Высшем Арбитражном Суде Магов сидит хоть один нормальный человек — торт сработает.

— А если не сидит?

— Тогда будешь есть сам. В камере.

Геннадий тихо сказал:

— А можно я не пойду в камеру? У меня испытательный срок. Если я в камеру — мне продлят. А мне ещё рожки донашивать.

Женя посмотрел на повестку. На штрих-код. На приписку про торт. На дату. Пять дней. Пять дней, чтобы найти лицензию, которой нет. Справку, которой не может быть. Характеристику от участкового, который думает, что Женя продаёт свечи.

И адвоката. Которого тоже нет.

— Ладно, — сказал Женя. — Дед. Кого ты знаешь?

Дед Всеволод сел на табуретку. Табуретка скрипнула. Он посмотрел в потолок. Потом на Клавдию Степановну. Потом на зелёные занавески.

— Есть один, — сказал он. — Кривосудов. Бывший судья. Разжалованный. Живёт в заброшенном здании старого магического суда. Берётся только за безнадёжные дела. И только за торт.

— Безнадёжные — это к нам, — сказала Клавдия Степановна.

— Торт — это к нам, — сказал Геннадий.

Женя посмотрел на холодильник. На «Пражский». На последний, стратегический, неприкосновенный «Пражский».

Вздохнул.

— Ладно. Завтра идём к Кривосудову. А сегодня — спим. И не открываем дверь. И не отвечаем голубям. И не смотрим в окно.

Из-за окна, из-за стекла, из-за апрельской мороси, кто-то смотрел. Не голубь. Не демон. Просто человек. В сером пальто. С блокнотом.

Женя задёрнул зелёные занавески.

И не увидел, как в блокноте, под адресом «Тенистая, 13», появилась новая строчка:

«Повестка доставлена. Ждём реакции».

В офисе «Сглаз долой» Аркадий Бергман допил кофе. Поставил чашку аккуратно, по центру блюдца.

— Эдуард.

— Да, папа.

— Подготовь документы для суда. Все. И вызови оценщика. Пусть посмотрит подвал. Тихо. Без магии.

— Зачем оценщик?

— Чтобы знать, сколько стоит. Когда заберём.

Эдуард кивнул. Вышел. Закрыл дверь.

Аркадий Бергман остался один. Посмотрел в окно. На подвал. На зелёные занавески, которые кто-то только что задёрнул.

— Не бордовые, — пробормотал он.

И открыл блокнот на новой странице.

**Глава 2. В которой торт идёт на приём к судье, а безнадёжное дело оказывается просто плохо оформленным**

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.